

РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ ПОСЛЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 Г.

Е. И. Дементьев

В историографии Отечественной войны 1812 г. вопросы о последствиях нашествия Наполеона на Россию в социально-экономическом аспекте не нашли достаточного отражения. В частности, таковым, несмотря на свою актуальность, является вопрос о нанесении ущерба крестьянскому хозяйству и его восстановлении в послевоенные годы.

Впервые их коснулся современник событий военный историк А. И. Михайловский-Данилевский¹. В коллекции материалов по истории Отечественной войны 1812 г., собранных им по высочайшему указанию и ныне хранящихся в Центральном государственном военно-историческом архиве (ЦГВИА СССР), имеются ценные и интересные документы о разорении губерний России, пострадавших от наполеоновского нашествия². Они содержат погубернские ведомости, составленные на основе донесений с мест уездных предводителей дворянства, об ущербе, нанесенном русским губерниям, например о числе сожженных селений, а также о понесенных жителями убытках³.

Сведения эти страдают своей неполнотой и узостью классового подхода к оценке событий.

В вышедшем в 1911—1912 гг. юбилейном многотомном сборнике «Отечественная война 1812 г. и русское общество» М. И. Туган-Барановский, К. В. Сивков, П. Н. Колокольников⁴ дали общую картину хозяйственного разорения России, выразившегося в упадке после 1812 г. промышленности, торговли, сельского хозяйства, а также в расстройстве финансов страны.

В послевоенные годы эти явления, по наблюдениям авторов, привели к обнищанию деревни, росту помещичьей эксплуатации, накоплению бедоумок и в конечном счете к обострению классовой борьбы между помещиками и крепостными крестьянами.

Авторы не исследовали материалы архивов, ограничившись использованием опубликованных официальных источников.

В советской историографии главное внимание уделялось военным и дипломатическим аспектам изучения Отечественной войны 1812 г., вопросы же социально-экономических последствий наполеоновского нашествия в России, в частности разорения деревни, были слабо изучены. Для нашей темы представляет интерес статья В. Г. Сироткина о финансовом кризисе России после 1812 г.⁵ Автор отметил большую задолженность России, которая рассчиталась с прямыми военными долгами только в 1824 г. Ка-

саясь вопроса о пособиях, выданных разоренным жителям г. Москвы и губернии, он подчеркнул классовый характер распределения ссуд⁶.

Победоносная освободительная война русского народа и разгром армии Наполеона потребовали огромного напряжения всей экономики России, но наибольший урон, безусловно, понесло сельское хозяйство, составлявшее основу феодальной экономики.

Данная статья не претендует на определение размера ущерба, нанесенного врагом экономике России, ее сельскому хозяйству. В нашу задачу входит лишь освещение общей картины разорения деревни после изгнания Наполеона из России, а также установление причин затянувшегося процесса ее восстановления в послевоенные годы по материалам преимущественно одной из наиболее разоренных губерний — Московской.

Для раскрытия темы имеются компактные архивные источники. Они сохранились в Центральном историческом архиве Москвы, в ф. московского военного губернатора (Ф. 16) и состоят из рапортов московского гражданского губернатора о ходе восстановления селений, его переписки с уездными председателями дворянства и Казенной палатой об отпуске на строительство сожженных селений строевого леса и денежных сумм. Дела о восстановлении помещичьих сел и деревень входили в компетенцию помещиков и отложились в фонде Московского губернского дворянского депутатского собрания (Ф. 4). Суммарные сведения по губернии имеются в фонде Канцелярии военного губернатора, посылавшего свои отчеты в Петербург императору⁷.

Кроме Московской и Смоленской в результате наполеоновского пагубства в той или иной мере подверглись разорению девять других губерний России: Лифляндская, Курляндская, Виленская, Гродненская, Мшская, Могилевская, Витебская, Калужская, Волынская, а также Белостокская область⁸.

К сожалению, сведения о числе сожженных селений сохранились не по всем губерниям. Например, по Могилевской губернии к началу 1837 г. таких сведений не имелось «по давности времени». По Виленской губернии в ноябре того же года А. И. Михайловскому-Данилевскому были представлены «весьма недостаточные и неопределенные сведения»⁹. Среди разоренных губерний Московская и Смоленская особенно пострадали ввиду того, что на их территории произошли наиболее крупные столкновения русской армии с вторгнувшимся противником. Кроме того, именно здесь проходили главные коммуникации наполеоновской армии.

Опустошительные пожары и грабежи превратили Москву и Смоленск с уездными городами и селениями почти в сплошную выжженную пустыню, вызвав в них дезорганизацию экономики и всей общественной жизни на долгое время. Особенно сильному разорению подверглись эти губернии при отступлении армии На-

полеона из Москвы и ее движении обратно по старой, уже изрядно разоренной Смоленской дороге.

По словам Даву, передовыми наполеоновскими войсками при их отступлении в октябре 1812 г. было «все расхищено и погублено»¹⁰. А. И. Михайловский-Данилевский писал, что города «Боровск, Верей, Борисов, все без исключения села и деревни, лежавшие на дороге, были сожигаемы. Имея на то повеление, войска исполняли его с истинным ожесточением, выламывали в домах окна, кидали в них горящие головни, патроны с порохом, даже патронные ящики, тешась взрывами их. В городах и селениях не было возможности дышать от дыма пожаров и гнивших трупов»¹¹. Отступление врага вызвало новую волну крестьянского партизанского движения, особенно активно протекавшего в северо- и юго-западных уездах Московской губернии и в местах, примыкавших к Калужской и старой Смоленской дорогам¹². Активное самоотверженное участие в нем простого народа, и прежде всего крестьян селений и жителей городов России, пострадавших от вражеского нашествия, поставило перед правительством вопрос об их освобождении от очередного рекрутского набора.

Однако, несмотря на представление главнокомандующего в Москве Комитету министров 7 ноября 1812 г. об освобождении Московской губернии от очередного рекрутского набора «во уважение верности и мужества жителей, доказавших оные на деле истреблением повсеместным неприятеля», от него были освобождены только разоренные селения Московской губернии¹³. В ответ на это ходатайство Комитет министров постановил освободить от рекрутской повинности и мещан разоренных уездных городов Московской губернии. Московский гражданский губернатор писал 11 января 1813 г. Комитету министров: «Москва и Можайск выжжены и разграблены. Жители сих городов почти не имеют пристанища и доселе большей частью не собраны. В Верее лучшая часть города, имевшая более 600 домов, от неприятеля выжжена, прочая разграблена. Руза, Звенигород, Бронницы, Богородск, Волоколамск и Дмитров частью также выжжены, а прочие разграблены. Жители оных, удалясь от лютой враги и скитаясь, лишены промыслов, по возвращении же в дома пекутся об исправности оных или ищут пристанища, возобновляя вместе с тем промыслы свои по возможности для прокормления себя и семейств своих». Говоря о Серпухове, Коломне и Клине, Сергиевском и Воскресенском посадах, губернатор сообщал, что «кошье, будучи охранены воинами и ополченцами-поселянами, хотя избегали вол, подобных прочим, но жители, видя повсеместное опустошение и грабительство, удалились и лишились промыслов, пачаи же собираться в жилища свои по освобождению Москвы...»¹⁴.

По царскому указу от 30 ноября 1812 г., кроме Московской губернии, не велено было брать рекрут и с разоренных селений

Смоленской, Могилевской, Витебской, Калужской и Волынской губерний.

Общая картина разорения Московской губернии характеризуется следующими данными. В 1812 г. в Верее было уничтожено почти четыре пятых жилых домов (618 из 754), в Можайске — свыше двух третей (489 из 670). Сильному опустошению подверглись и уезды, в которых находились эти города, почти начисто разграбленные наполеоновскими войсками. Так, в Верейском уезде пожаром было уничтожено 166 селений с 3061 двором, или примерно 70%, в Можайском — 168, или 63%¹⁵. В Звенигородском уезде было сожжено 83 селения с 1895 дворами, в Подольском — 84 с 1296 дворами, в Рузском — 36 с 820 дворами, в Серпуховском — 17 с 341 двором, в Богородском — 7 с 130 дворами. В Московском уезде, также сильно пострадавшем в 1812 г., сгорело 58 селений. Однако по этому уезду нет сведений о числе сгоревших в нем домов. Нет также их по Дмитровскому и Бронницкому уездам, в том числе по г. Бронницы¹⁶.

В числе сожженных домов в уездах значились и помещичьи усадьбы, а также торговые и промышленные заведения — лавки и «фабрики». Так, по Верейскому уезду пожаром было уничтожено 27 деревянных помещичьих усадеб, по Звенигородскому — 7, а также 14 сельских магазинов, одна «фабрика» и две светлицы (шелковая и суконная). В Рузе из 58 сожженных домов 28 были лавками, т. е. торговыми заведениями. Итак, вместе с Москвой, в которой было уничтожено пожаром 6532 дома, или более двух третей всего жилого фонда¹⁷, в 1812 г. наполеоновскими войсками было сожжено и разграблено полностью или частично 9 городов Московской губернии с их уездами. Всего по Московской губернии вместе с Москвой, по неполным данным, собранным А. И. Михайловским-Данилевским, было сожжено 15 138 домов¹⁸.

Еще более пострадали уезды Смоленской губернии, жители которой, потеряв весь скот и имущество, оказались на грани голода. Всего по губернии, почти начисто разграбленной и опустошенной французами, в 11 городах с их уездами, по собранным, но далеко не полным данным, сгорело 14 795 домов¹⁹. Только в Смоленске пожаром было уничтожено более половины домов — 1265, в Вязьме — 1240, или примерно 90%, в Гжатске — 525. Причем в Гжатском уезде сгорело самое большое число домов — 4430, что составило почти третью часть всех сожженных в губернии домов. О состоянии Смоленской губернии после ее освобождения от неприятеля калужский губернатор П. Н. Каверин писал Александру I 10 ноября 1812 г.: «Везде встречал я одно только опустошение и следы варварства неприятеля...»²⁰ По его словам, в городах Вязьме, Гжатске и Дорогобуже «домов обывательских едва ли осталось четвертая доля. Селения по большим дорогам и в окружности на 20 и более верст либо преданы огню, или совершенно разграблены». При этом он вынужден был признать,

что его усилия по восстановлению порядка в Смоленской губернии тщетны, так как дворяне, губернские и уездные чиновники «удалились в другие пределы России». Тем не менее ему на первых порах в городах и уездах Смоленской губернии, очищенных от неприятеля, удалось учредить полицию, восстановить работу почты и открыть в г. Вязьме Комитет временного управления губернией.

Объясняя причину наибольшей в России опустошенности Смоленской губернии, губернатор писал, что поскольку она была главнейшим театром военных действий, то «разоряема и истребляема была не только в тех местах, которые занимала неприятельская армия при двукратном ее проходе, но и в других краях подвергалась разорению от фуражиров и мародеров»²¹.

После изгнания Наполеона из России в губернии возникла катастрофическая обстановка со снабжением населения хлебом. Дело в том, что крестьяне Смоленской губернии, застигнутые в августе 1812 г. военными действиями, не успели в разгар полевых работ засеять озимые поля и собрать урожай хлебов. Губернатор просил разрешения у правительства произвести закупки хлеба в Тамбовской и Тульской губерниях и доставить его в Смоленскую, «ибо здешние поселяне, оставаясь почти без лошадей, едва ли сами в состоянии перевезти все количество потребного для них хлеба»²².

В связи с трудным продовольственным положением, создавшимся в некоторых разоренных губерниях, правительство вынуждено было принять неотложные меры. Так, на покупку хлеба для снабжения населения Смоленской и Калужской губерний (в последней было сожжено 2887 дворов) казна выделила 1 млн руб.²³ Причем хлеб предполагалось закупать в южных плодородных губерниях, не затронутых нашествием. 7 января 1813 г. Комитетом министров были утверждены правила «О пособии в продовольствии обывателям, от войны разоренным»²⁴. Пособие это выдавалось для снабжения населения хлебом и посева яровых до нового урожая. Пособие получали государственные крестьяне через старост сел, деревень и начальников волостей, а помещичьи — через помещиков или управляющих имениями²⁵. Для сбора сведений о потерпевших селениях в Московской, Смоленской и Калужской губерниях при гражданских губернаторах 6 февраля 1813 г. были учреждены особые комиссии.

На основании собранных сведений крестьянам пострадавших селений правительство назначало пособие. Так, жителям Смоленской губернии было отпущено свыше 5,2 млн руб.²⁶ Однако не ясно, какой суммой фактически воспользовались крестьяне. Лишенные почти всего скота, в том числе лошадей, крестьяне губернии без срочной помощи со стороны правительства не могли быстро восстановить свое домашнее хозяйство. Только позднее, по указам Комитета министров от 12 марта 1815 г. и 17 февраля

1816 г., казенным крестьянам губернии на покупку скота было отпущено взаимобразно 345 909 руб.²⁷ Для облегчения постройки домов тем из них, которые из-за недостатка лошадей и инвентаря не могли воспользоваться отведенным казенным лесом, согласно указу от 4 августа 1816 г., безвозвратно было выдано 28 480 руб. Но выдаваемые им суммы — 100 руб. на постройку двора и 50 руб. на покупку лошади — из-за дороговизны были явно недостаточны²⁸.

Крестьянам Московской губернии на «обсев полей и пропитание» казна в 1813 г. ассигновала 2050 тыс. руб.²⁹ Из этой суммы фактически им было роздано 1 654 113 руб. (в том числе казенным крестьянам 1 193 657 руб., а помещичьим — 460 456 руб.), так как часть крестьян погибла или, оставшись без крова, «отлучилась» в дальние губернии³⁰.

В срочной правительственной помощи, в частности в пособии на прокормление и постройку домов, помимо крестьян Смоленской, Московской и Калужской губерний, нуждались крестьяне других, хотя и менее разоренных войной, губерний России. Тем не менее никакого пособия им не выдали. Не получили они помощи и от дворян и других сословий. Между тем помещикам на восстановление своих имений не только дали денежное вознаграждение, но и разрешили пользоваться займами в местных кредитных учреждениях.

Продовольственное положение в Московской губернии усугублялось повсеместным, особенно в 1814 г., неурожаем. Московский гражданский губернатор 2 ноября 1814 г. сообщал в Петербург, что «яровой хлеб от непогодливой весны и от больших потом засух в самых лучших местах родился только сам друг, местами же и семян не возвращено... Озимый хлеб посредственный, местами побит градом»³¹.

Особенно тяжелое положение создалось в Можайском уезде, где в начале 1813 г. большая часть разоренных крестьян не имела «пропитания», терпела голод и холод, причем большинство полей у них оказалось не засеянным озимым хлебом, а для посева яровых хлебов никто не имел даже семян³². Ссуды, выдаваемой крестьянам, порой не хватало даже на покупку семян, поэтому часть их полей осталась незасеянной³³.

Недостаточный размер пособия, выдаваемого крестьянам на «обстройку» дворов, дороговизна леса привели к тому, что восстановление их после изгнания из России Наполеона затянулось на несколько лет³⁴.

На отпущенную казной ссуду в размере 80—100 руб. крестьяне могли купить только сруб или небольшую избу без двора, сарая и амбара³⁵. Не лучше обстояло дело и у тех крестьян, которые вместо денег на «обстройку» своих домов должны были получить лес. Так как его не хватало на местах, им выделяли лес в соседних уездах. Но вывозка его для многих крестьян была со-

пряжена с трудностями, так как работы, проводимые по вырубке и доставке леса за 100—200 км, часто были им не под силу. Кроме того, многие крестьяне, одинокие или бедные, просто не в состоянии были выстроить себе дома. Не имея рабочего скота и необходимых земледельческих орудий, они владели жалкое существование.

Осенью 1812 г. в некоторых уездах Московской губернии (Московском, Звенигородском, Рузском, Можайском, Верейском и Подольском) вспыхнула эпидемия. Ею были также поражены Смоленская, Новгородская, Псковская, Вологодская, Костромская и Орловская губернии³⁶. Так как военных медиков не хватало, было решено мобилизовать на борьбу с болезнями врачей гражданского ведомства. В помощь им выделяли студентов московского отделения Медико-хирургической академии.

Эпидемия, а также голод повлекли за собой уменьшение численности гражданского населения в Московской и других, пострадавших от войны губерниях. Всего в России с 1811 по 1817 г. число ревизских душ сократилось на 900 тыс., а население в целом — примерно более чем на 1 млн. человек³⁷. Вследствие этого в пострадавших губерниях сбор рекрутов производился не по ревизскому, а по наличному числу душ³⁸.

Правительство торопило помещиков с постройкой домов крестьянам, жившим порой в землянках. Но, получив денежную ссуду, некоторые помещики не проявляли о крестьянах необходимой заботы и расходовали деньги по своему усмотрению. Так, подольскому помещику Скворцову московский губернатор грозил опекой его имения, если он не выселит своих крестьян из землянок и не поможет им построить дворы³⁹. Несмотря на то что крестьяне были совершенно разорены и лишены имущества, этот помещик принуждал их («от большого до малого») выполнять барщинные повинности. В результате крестьяне выжидая были побираться («ходить по миру») ⁴⁰.

К 1816 г., т. е. по истечении трех лет после изгнания Наполеона из России, стало ясно, что без дополнительного пособия помещичьи и особенно государственные крестьяне не сумеют восстановить свое хозяйство.

Московский военный губернатор А. П. Тормасов 17 августа 1816 г. сообщил царю, что из 514 сожженных помещичьих селений 165 еще полностью «не обстроены». Что касается казенных имений, то восстановление их шло еще медленнее: из 129 разоренных селений обстроены были лишь 25. «Если крестьянам казенных селений не будет сделано прибавки в пособии, то к предстоящей осени невозможно ожидать, чтобы разоренные крестьяне обстроились»⁴¹, — писал губернатор.

Александр I, вернувшись в декабре 1815 г. из-за границы, выразил неудовольствие медленным восстановлением в России разоренных в войну сел и деревень. А. П. Тормасов отмечал, что

за рубежом восстанавливали разоренные селения в течение нескольких месяцев⁴². Это весьма интересное замечание. Оно свидетельствует о том, что жители прежде всего буржуазной Франции, где был давно уничтожен абсолютистско-феодальный режим, не испытывали той тяжести феодальной эксплуатации, которую несли русские крестьяне. Именно она и являлась главной причиной, тормозившей ликвидацию последствий войны в деревне.

Суммарные сведения о числе сожженных, разграбленных селений (помещичьих и государственных) на территории 9 уездов из 13 Московской губернии насчитывают 643. В трех ее западных уездах — Можайском, Верейском, Звенигородском — наполеоновским нашествием было уничтожено более половины селений — 417⁴³. В то же время в четырех уездах, расположенных в стороне от главных коммуникаций врага, — Волоколамском, Клинском, Дмитровском и Коломенском — сожженных селений не оказалось⁴⁴.

О том, как шло восстановление селений в разоренных французскими войсками уездах Московской губернии, можно судить по следующей таблице.

Таблица дает лишь общее представление о ходе восстановления селений в уездах Московской губернии, так как она не отражает количество крестьянских дворов, уничтоженных врагом. Следует учитывать также и то, что число дворов в селах и деревнях было неодинаковым. Казенные селения, как правило, были крупнее помещичьих примерно в 2 раза⁴⁵. Сожженные в 1812 г. 643 селения Московской губернии составляли примерно 12% из общего числа.

Как видим, к августу 1816 г. полностью было выстроено всего 348 селений, или 54,2%. Такое положение вызвало недовольство царя. Еще весной этого года в рескрипте А. П. Тормасову Александр I потребовал, чтобы до конца 1816 г. все селения непременно обстроились, тем более что московские дворяне из казны получили 2 млн руб. пособия⁴⁶. Однако это требование не было выполнено. Так, к концу 1816 г. только по Можайскому уезду около 38 помещичьих селений из-за нехватки на месте строевого леса оставались невосстановленными⁴⁷. В Звенигородском и Московском уездах значительная часть помещичьих крестьян, проживавших в небольших срубленных избах, также не имела дворов, сараев, амбаров. 22 марта 1817 г. можайский предводитель дворянства сообщал, что «многие помещичьи селения еще не приведены в надлежащее устройство»⁴⁸. Полученное в 1813 г. пособие на восстановление селений, по словам многих помещиков, было употреблено вследствие дороговизны хлеба «на прокормление себя и своих крестьян, а также на покупку скота, лошадей, земледельческого инвентаря»⁴⁹. В результате не все крестьяне были в состоянии полностью и вовремя вернуть полученную ссуду.

Восстановление селений в уездах Московской губернии
на август 1816 г.*

Уезд	Селения			
	сожженные	выстроенные полностью	выстроенные не полностью	крестьяне которых переведены в другие имения
<i>Помещичьи селения</i>				
Можайский	136	51	78	7
Верейский	127	102	15	10
Подольский	84	63	21	—
Звенигородский	71	45	21	5
Московский	38	29	7	2
Рузский	30	6	22	2
Серпуховский	17	16	1	—
Богородский	7	7	—	—
Бронницкий	4	4	—	—
Итого	514	323	165	26

Казенные селения

Можайский	32	} 25	} 104	Нет свед.			
Верейский	39			} 104	То же		
Московский	19				} 104	»	
Звенигородский	12					} 104	»
Рузский	6						} 104
Бронницкий	21	} 104	»				
Итого	129		25	104			
Всего по Московской губернии	643		348	269	26		

* Таблица составлена на основании «кратной» ведомости, содержащей сведения, взятые из отчетов уездных предводителей дворянства, а также из донесения Александру I А. П. Тормасова от 17 августа 1816 г. См.: ЦГАМ. Ф. 4. Ол. 1. Д. 4237. Л. 64; Ф. 16. Оп. 29. Д. 257. Л. 49, 50.

В казенных селениях также не все обстояло благополучно. Так, в пяти уездах Московской губернии по казенному ведомству на 5 ноября 1816 г. насчитывалось 1436 недостроенных сельских домов. К началу 1817 г. во вторичном пособии в губернии нуждалось 670 дворов казенных крестьян⁵⁰.

В послевоенные годы (1813—1825) налоговый гнет в России усилился. Несмотря на сокращение населения, вызванное его гибелью от неприятеля, голода и эпидемий, правительство продолжало взимать государственные подати в прежнем объеме, т. е. включая и «убылые души». В результате выросли подоимки⁵¹.

Казенная палата 30 декабря 1813 г. обратилась к бывшему московскому военному губернатору Ф. Ростопчину с просьбой исключить из подушного оклада 265 душ — крестьян, погибших в Подольском уезде, или зачесть 57 человек, убитых или умерших от ран, за одного рекрута. Ответа не последовало⁵². Не были освобождены от уплаты податей также государственные крестьяне сожженных селений Клятова и Часовни Покровской волости Звенигородского уезда, хотя более половины из них (в с. Клятове из 347 ревизских душ осталось всего 135) стали жертвами эпидемий.

Ввиду того что в целом по Московской губернии к 1820 г. за крестьянами числилась огромная сумма недоимок, было решено рассрочить их погашение на шесть лет⁵³. А всего крестьяне тех губерний России, которые оказались на военном положении, в 1815 г. не могли уплатить четвертую часть податей⁵⁴. Только по пяти губерниям — двум литовским (Виленской и Гродненской) Минской, Подольской и Волынской, находившимся на военном положении, к 1820 г. накопилась недоимка в 15 млн руб.⁵⁵

Итак, процесс восстановления разоренных войной крестьянских хозяйств в условиях господства крепостничества и наступившей в стране реакции был длительным, растянувшимся на многие годы. Государственные ссуды, полученные крестьянами трех центральных губерний в 1813 г., оказались недостаточными. Правительство заботилось прежде всего о восстановлении платежеспособности податного феодально-зависимого населения и не учитывало во всем объеме социально-экономических последствий наполеоновского нашествия.

Хозяйственная разруха в стране после 1812 г. усугублялась почти ежегодными неурожаями хлебов и массовыми надеждами скота. В 1816—1818 гг. в помещичьей деревне наблюдался рост оброков при слабой доходности крестьянских дворов. Следствием этого явления были хроническая недоимочность и перевод крестьян во многих пострадавших от войны губерниях с оброка на барщину⁵⁶.

Отечественная война 1812 г. явилась мощным толчком в процессе социального разложения крестьян. Она содействовала переходу части их в сферу промысловой деятельности. Рост оброков и натуральных повинностей в послевоенные годы усиливал обнищание феодальной деревни и классовую борьбу крестьян и помещиков.

Размах крестьянских выступлений в России после войны заметно возрос. Если до Отечественной войны 1812 г. ежегодно происходило 7—9 крупных волнений крестьян, то в 1815—1820 гг. — по 17—20 в год⁵⁷. Однако 1812 год, как известно, дал наибольшее число активных крестьянских выступлений в стране — 60, что в 2—3 раза превышало их среднегодовое число за первую четверть XIX в.⁵⁸

Патриотическое движение крестьян в 1812 г. сочеталось с усиливающейся классовой борьбой против помещиков, особенно остро протекавшей на территории, занятой неприятелем. Участились погромы помещичьих усадеб и захваты крестьянами их имущества⁵⁹.

Вызвав небывалую активность народных масс, Отечественная война 1812 г. вместе с тем подготовила благоприятную почву для формирования революционной идеологии декабристов⁶⁰.

Последствия наполеоновского нашествия тяжелым бременем легли на плечи народа на долгие годы. Вместе с тем они ускорили в России кризис феодально-крепостнической системы.

¹ Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны 1812 г. СПб., 1839. Ч. 3.

² ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 3465. Ч. 13.

³ Все эти доведения послужили основой для составления ведомостей и записок по отдельным, разоренным в 1812 г. губерниям. Они доставлялись гражданскими губернаторами по запросу Михайловского-Данилевского начиная с 1836 г.

⁴ Туган-Барановский М. И. Война 1812 г. и промышленное развитие России // Отечественная война 1812 г. и русское общество: Сб. СПб., 1912. Т. 7. С. 105—137; Колокольников Д. Н. Хозяйство России после 1812 г. // Там же; Сивков К. В. Финансы России после войны с Наполеоном // Там же.

⁵ Сироткин В. Г. Финансово-экономические последствия наполеоновских войн в России в 1814—1824 гг. // История СССР. 1974. № 4. С. 51—61.

⁶ Там же. С. 57.

⁷ ЦГИАМ. Ф. 16. Оп. 29. Д. 257; Оп. 30. Д. 206; Оп. 225. Д. 939; Ф. 17. Оп. 1. Д. 234; Ф. 4. Оп. 1. Д. 4237, 3456, 4065, 4239.

⁸ Подольская губерния не была занята неприятелем и не понесла сколько-нибудь значительного ущерба, хотя и примыкала к границе Австрии.

⁹ ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Д. 3465. Л. 65, 349, 431—434.

¹⁰ Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч. С. 351.

¹¹ Там же. С. 352, 353.

¹² Бескровный Л. Г. Партизаны в Отечественной войне 1812 г. // Вопр. истории. 1972. № 2. С. 82—87, 90.

¹³ ИСЗ-1. Т. 32. № 25314. С. 504.

¹⁴ Там же. № 25314.

¹⁵ Чебогарев Х. А. Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. М., 1887. С. 298—345; см. также: ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Д. 3465. Ч. 13. Л. 447.

¹⁶ ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Д. 3465. Ч. 13. Л. 434, 447.

¹⁷ Будылина М. Планировка и застройка Москвы после пожара 1812 г. (1813—1818 гг.) // Архитектурное наследство. М., 1951. Т. 1. С. 156.

¹⁸ ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Д. 3465. Ч. 13. Л. 430.

¹⁹ Дубровин Н. Отечественная война в письмах современников (1812—1815 гг.). СПб., 1882. С. 471, 472.

²⁰ Русский архив. М., 1871. № 9. Стб. 1612—1626. Только часть Смоленской губернии, примыкавшая к Калужской (Ельнинский, Рославльский и Юхновский уезды), не была занята наполеоновской армией и находилась в управлении калужского губернатора.

²¹ Там же. Стб. 1617.

²² Там же. Стб. 1618.

²³ ИСЗ-1. Т. 32. № 25288. С. 480.

²⁴ Там же. № 25313. С. 501—502.

²⁵ Продовольственная норма ограничивалась 1,5 четв. (или 12 пуд.) ржаного хлеба на человека в год, а на засев полей весной — по 2 четв. (или 16 пуд.) яровых хле-

- бов на десятигину обрабатываемой земли.
- ²⁶ ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 3465. Ч. 13. Л. 514.
- ²⁷ Там же. Л. 515.
- ²⁸ Рус. старина. СПб., 1878. Т. 23, № 11. С. 537.
- ²⁹ ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 3465. Ч. 13. Л. 445.
- ³⁰ ЦГАМ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 234. Л. 19, 20.
- ³¹ Там же. Ф. 17. Оп. 1. Д. 524. С. 12.
- ³² Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3456. Л. 5.
- ³³ Всего по Московской губернии на 3118 дворов казенных крестьян было выдано 271 330 руб. (см.: ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 30. Д. 206. Л. 49). Что касается помещичьих крестьян, то выдача им пособий всецело зависела от воли их владельцев. Известно, что на восстановление разоренных помещичьих имений было отпущено около 2 млн руб. (см.: ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 632. Л. 3).
- ³⁴ На каждую ревизскую душу с учетом половины женского населения для продовольственных нужд выдавалось по 12 руб. 80 коп., а на посев — по 10 руб. в год (см.: ЦГАМ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3458. Л. 17).
- ³⁵ ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 30. Д. 206. Л. 78.
- ³⁶ ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Д. 3465. Ч. 13. Л. 487.
- ³⁷ *Рашид А. Г.* Население России за 100 лет (1811—1913). М., 1956. С. 30, 31.
- ³⁸ ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Д. 3465. Ч. 13. С. 514.
- ³⁹ ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 29. Д. 257. Л. 35, 36.
- ⁴⁰ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4237. Л. 28.
- ⁴¹ Там же. Ф. 16. Оп. 29. Д. 257. Л. 57.
- ⁴² Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4237. Л. 1.
- ⁴³ Там же. Ф. 16. Оп. 29. Д. 257. Л. 20.
- ⁴⁴ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4237. Л. 60—64.
- ⁴⁵ В 1812 г. в казенных селениях было сожжено неприятелем 4625 дворов.
- ⁴⁶ ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 623. Л. 3.
- ⁴⁷ ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 30. Д. 206. Л. 10, 23.
- ⁴⁸ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4237. Л. 71.
- ⁴⁹ Там же. Л. 50.
- ⁵⁰ Там же. Ф. 16. Оп. 30. Д. 206. Л. 57.
- ⁵¹ Там же. Оп. 29. Д. 257. Л. 52.
- ⁵² Там же. Л. 60.
- ⁵³ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3458. Л. 27.
- ⁵⁴ *Сивков К. В.* Указ. соч. С. 134.
- ⁵⁵ ЦГВИА СССР. Ф. 35. Оп. 4. Д. 486. Л. 44, 45.
- ⁵⁶ *Колокольников П. Н.* Указ. соч. С. 118.
- ⁵⁷ История СССР: Россия в XIX в. М., 1954. Т. 2. С. 99. См. также: *Федоров В. А.* Крестьянское движение в Центральной России, 1800—1861 гг. М., 1980. С. 89.
- ⁵⁸ Крестьянское движение в России в 1796—1825 гг.: Сб. документов. М., 1961. С. 19.
- ⁵⁹ ЦГВИА СССР. Ф. ВУА. Д. 3465. Ч. 13. С. 61—63.
- ⁶⁰ *Бабкин В. И.* Специфика классовой борьбы в период Отечественной войны 1812 г. // История СССР. 1972. № 2. С. 112, 121.